

ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ В РОССИИ

«НАСТАЛО КАТОЛИКАМ ВРЕМЯ ОТОМСТИТЬ ПРАВОСЛАВНЫМ...»: ПАРАДОКСЫ ПРИМЕНЕНИЯ УКАЗА 17 АПРЕЛЯ 1905 Г. «О ВЕРОТЕРПИМОСТИ» НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ

А.Ю. Бендин

Институт теологии

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 24, Минск, Республика Беларусь, 220030

Статья посвящена проблемам правоприменения указа 17 апреля 1905 г. «О веротерпимости» в Северо-Западном крае Российской империи. Особое внимание автор уделяет реакции на указ трех заинтересованных сторон, — администрации края и двух ведущих конфессий — Православной и Римско-Католической. Автор анализирует причины появления новых приемов миссионерства Католической церкви и анатомию межконфессиональных конфликтов, возникших в условиях становления религиозной свободы.

Ключевые слова: веротерпимость, миссионерство, католическая Церковь, межконфессиональные конфликты, религиозная свобода, прозелитизм, религиозный экстремизм.

Приступая к реформированию правового института веротерпимости, в соответствии с пунктом 6 указа от 12 декабря 1904 г., Комитет Министров рассчитывал, что ценности религиозной свободы, как неотъемлемая составляющая либерального светского правосознания, должны быть усвоены и приняты религиозными традициями легальных и легализуемых новым законом конфессий и общин. Применение реформированного законодательства на практике должно было повлечь за собой адекватную рецепцию вводимых правовых норм и законопослушное отношение к ним духовенства и мирян «инославных и иноверных вероисповеданий», старообрядцев и сектантов. Указ должен был не только зафиксировать отмену ряда запретительных статей законодательства о веротерпимости. Его задача заключалась также и в том, чтобы введением религиозных свобод изменить субъективное отношение участников межрелигиозных конфликтов друг к другу, сформировать новое правосознание, основанное на терпимом отношении к религиозным различиям, не допускающем прозелитизма и насилия над совестью ино-

верцев. Идейным постулатом создателей законопроекта был известный либеральный тезис о наличии взаимосвязи между ростом религиозной свободы и укреплением религиозно-этнической и политической стабильности в обществе, что выразилось в следующей формулировке. «Комитет не может не выразить глубокого убеждения своего в возможности совместить надлежащее охранение общегосударственных целей с соблюдением основных начал веротерпимости» (1).

Предполагалось, что на территории Северо-Западного края, отличавшегося сложным религиозно-этническим составом и длительными конфликтными отношениями между Римско-Католической церковью, с одной стороны, государством и Православной церковью, с другой, введение норм религиозной свободы сможет решить застарелые проблемы во взаимоотношениях православных и католиков (2). Однако при правоприменении указа от 17 апреля 1905 г. «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости» на территории края правительство столкнулось с проблемами, возникновение которых стало неприятным сюрпризом не только для власти, но и для православного духовенства и населения, принадлежавших к господствующей в империи церкви.

Цель статьи заключается в выяснении причин, породивших столь неадекватную реакцию на закон, призванный служить «делу мира и любви» и «впящему возвеличению православной веры» (3).

Император Николай II, учитывая трудности, с которыми могла столкнуться администрация и епархиальная власть при реализации указа в западных губерниях, 3 мая 1905 г. при рассмотрении журналов Комитета Министров по пункту 6 указа 12 декабря 1904 г. поставил перед Комитетом следующие вопросы: «Как будут смотреть, по введению в действие нового законоположения, гражданская власть и духовное начальство на *проповедь* католических миссионеров?», «Как установить грань между *проповедью католицизма и пропагандой полонизма*?». Комитет Министров, ссылаясь на нормы действовавшего законодательства, в частности, статью 187 «Уложения о наказаниях» 1885 г. и статьи 90 и 83 нового «Уголовного уложения» 1903 г., предусматривавших заключение в тюрьму и ссылку за соращение из православия в иное вероисповедание, уверил императора в том, что указанные власти имеют в своем распоряжении все необходимые средства для прекращения проповеди инославных миссионеров. Ответ на второй вопрос сводился к тому, что в настоящее время на законодательном рассмотрении находится проект предоставления министру внутренних дел особых полномочий для наказания римско-католических священнослужителей, нарушавших российское законодательство. Правительство уверяло императора, что с момента вступления закона в силу министр получит возможность легально карать римско-католических священнослужителей, «действующих во вред русским интересам» (4).

Из ответов, данных императору, можно сделать вывод о полной уверенности правительства в том, что средства, предоставленные МВД, местной администрации и духовным властям, дают возможность эффективно противостоять попыткам превратного истолкования закона о веротерпимости со стороны католического духовенства.

Однако опасения императора оказались не напрасными. Эффект от введения религиозных свобод оказался поразительным и совершенно неожиданным для правительства и православной иерархии, которая даже не была поставлена в известность о принятии указа и не успела вовремя к нему подготовиться. Застигнутой врасплох оказалась и губернская администрация Северо-Западного края. Дело в том, что издание указа произвело кумулятивный эффект. Оно вызвало резкую и длительную вспышку межконфессионального противостояния в крае, обусловленную активизацией противоправного католического миссионерства. В этот момент западные епархии пережили стремительную волну переходов «упорствующих» в католицизм, которые носили массовый характер. Они происходили в тех православных приходах, которые были образованы в 1865—1870 гг. и состояли в основном из бывших католиков. По словам Виленского генерал-губернатора А.А. Фрезе: «С обнаружением указа все эти привходящие элементы православного населения Северо-Западного края стремительной волной хлынули обратно в католичество, увлекая своим движением и соприкасавшихся, так или иначе, с ними православных» (5). Удерживаемые насильственно в православии долгие годы, «упорствующие в латинстве» обрели, наконец, возможность открыто исповедовать ту веру, которую считали истинной (6).

Однако свобода религиозного выбора, объявленная 17 апреля, имела свои правовые границы, по-прежнему охранявшие православное население от прозелитизма (7). С правовой точки зрения, переход из православия в иные вероисповедания рассматривался как результат свободного выбора, осуществляемого без миссионерского воздействия инославного духовенства. В действительности же реализация указа привела к иному пониманию его содержания и способам конкретного применения в местностях со смешанным православно-католическим населением.

По свидетельству православного духовенства, само издание указа, вопреки его точному смыслу, расценивалось ксендзами как совершенно очевидное торжество католицизма над православием и понималось как вседозволенность и право на прозелитизм среди православного населения, состоявшего из бывших католиков и униатов, которых следовало вернуть в лоно истинной Церкви. Возвращение «упорствующих» в католицизм в местностях со смешанным или преобладающим католическим населением осуществлялось в форме движения, идущего снизу, со стороны приходского духовенства и активных мирян, поддерживаемых епископатом. Инициированное указом стремительно разрастающееся движение явно выходило за установленные законом правовые границы и ставило своей целью не только возвращение всех «упорствующих» в лоно Римско-Католической церкви, но и противозаконное обращение в католицизм тех православных, которые, оставшись в меньшинстве в своих селениях, продолжали сохранять верность Православной церкви. Это был, по сути дела, долго сдерживаемый взрыв миссионерской энергии, религиозной нетерпимости и русофобии, накопленной католическим духовенством за предыдущие десятилетия ограничений и запретов, сопровождаемый эйфорией от дарованной императором свободы.

Литовский епархиальный съезд православного духовенства в заседании от 1 июня 1905 г. с горечью отмечал, что «Высочайшая милость, дарованная

иноверию, неправильно понятая и ложно истолкованная римско-католическим духовенством, весьма неблагоприятно отразилась на юной литовской пастве, в особенности в тех приходах, которые образовались после последнего польского мятежа в 1863 году... Не стесняясь никакими средствами, прибегая к обманам, лжи, угрозам, католическое духовенство все усилия свои напрягает на то, чтобы, прежде всего всех этих православных совратить в католичество, отнять православные церкви и обратить их в костелы» (8).

В это же время 14 июля 1905 г. обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев обращается к генерал-губернатору в связи с донесением епископа Гродненского и Брестского Никанора (Каменского) о случаях открытого совращения православных в католицизм, сопровождаемого насилием и публичным порицанием православной веры. Обер-прокурор просил А.А. Фрезе оказать содействие духовенству в налаживании мирных отношений православных с католиками, возбуждаемых фанатизмом ксендзов (9). Однако попытки духовных и светских властей приостановить нарастание католического движения и перевести его в правовое русло, определенное указом 17 апреля 1905 г., не привели в этот период к положительному результату.

Общее настроение, которое переживали православное духовенство и миряне в местностях с преобладанием католического населения, где наиболее остро проявлялась религиозная нетерпимость, можно выразить так — государство нас бросило, нас некому защищать. В Ковенской губернии литовцы-католики запугивали русских общим поголовным избиением в том случае, если они не уйдут или не примут католичество. «Сбрейте бороды, оденьте рожанцы и шкаплеры — говорили они — и мы вас не тронем». Растерянность и отчаяние усугублялись еще и тем, что ксендзы разъясняли указ народу в том смысле, что Николай II повелел всем переходить в католичество, что православные церкви будут обращены в костелы, а имущество их передано католическому духовенству. Ксендзы уверяли прихожан, что сам указ издан вследствие молитв Папы Римского к возвеличению Римско-Католической церкви, для блага католичества и польского народа. А это значит, что отныне католическая вера становится первенствующей в империи, следовательно, православные должны немедленно подавать заявления о присоединении к католичеству.

Среди населения распространялись слухи о том, что сам царь вместе с семьей перешел в католицизм, — «на высоте царского престола познали неправоту православия», что в католицизм перешел Иоанн Кронштадский, ксендзам помогает администрация края — генерал-губернатор, губернаторы и т.д., скоро все православные священники и их паства, повинувшись царскому указу, должны стать католиками. В пропаганде использовались также и мотивы социального престижа, когда католичество в противовес православию преподносились крестьянскому населению как «панская вера». Использовались и методы экономического шантажа, когда православных крестьян уверяли, что если они будут по-прежнему сохранять верность своей Церкви, земли их будут конфискованы и переданы католикам, не принявшие же католичество будут переселены во внутренние губернии России и даже в Сибирь.

Нередко были случаи, когда в костелах ксендзы кощунственно отзывались о православной вере («поганая вера», «собачья вера», «православная вера не есть истинная, а выдуманная, и православный народ отрекся от Иисуса Христа как караимы» и т.д.) и разжигали в прихожанах этническую вражду к русским, т.е. православным соседям-белорусам. В листовках, написанных на польском языке, которые распространялись на территории края, говорилось, что поражение России в русско-японской войне является наказанием Божиим за то, что «отняли у нас нашу Польшу», за преследование католической веры и польского языка. В них содержались недвусмысленные угрозы: «Кто теперь не оставит проклятого православия и не возвратится в святую римско-католическую веру, тот погубит свою душу и своих детей». Православных начали открыто называть «недоверяками», «еретиками», «схизматиками», «отщепенцами» «холопами», а саму православную веру — еретической, явившейся будто бы «из-под кнута» (10). По словам одного ксендза: «Настало католикам время отомстить православным за все обиды и притеснения, которые несли католики от русских православных людей» (11).

Религиозная эйфория, переживаемая католическим населением весной и летом 1905 г., порождала требования националистического характера. Северо-Западный край — это «забранный край», и он должен «отойти целиком полякам» (12). Важным элементом развязанной католическим духовенством пропагандистской кампании стало распространение слухов о том, что «Православные храмы русским правительством будут переданы католикам». По сообщениям православной стороны: «Ксендзы назначали два срока, после которых будто бы все православные храмы переделаются в костелы, — это Троицын день и праздник святых апостолов Петра и Павла» (13).

Эти недобросовестные приемы миссионерской пропаганды имели негативные социально-психологические последствия. Они провоцировали у возбужденного этими слухами католического населения настроения религиозного реванша, чтобы, не дожидаясь разрабатываемого правительством правового решения проблемы, силой отобрать у православных храмы, устроенные из бывших костелов, и изгнать с этих приходов православных священников. Единообразие приемов, используемых католическим духовенством для обращения православных, общее содержание их проповедей, типичный для всей епархии набор пропагандистских слухов, распространяемых устно и с помощью листовок, свидетельствует об организованном характере этого противоправного миссионерского движения, носящего ярко выраженный националистический характер. Можно сказать, что речь идет о политических технологиях идеологической обработки населения, впервые в массовом масштабе применяемых в качестве эффективного инструмента религиозной миссии среди православных.

Сложное положение, в котором из-за бездействия администрации оказалось местное православное население, вынудило Литовского архиепископа Никандра (Молчанова) обратиться с окружным воззванием к своей пастве: «В настоящее время свидетельства современной печати, голоса живых людей и акты жизни говорят, что некоторые инославные пастыри в деле распространения своего вероучения и привлечения в лоно своей церкви православных людей не гнушаются

и недостойными их сана средствами и способами. А некоторые в своей злобе доходят до того, что решаются публично утверждать, будто православная вера проклята папами, будто все исповедующие ее хуже язычников, будто от православия отвортился сам Господь с его пречистою Матерью, — что все, теперь православные, будто бы должны обращаться в католичество» (14).

Обострение религиозно-этнической нетерпимости к православным, не желающим переходить в католицизм, вынуждала отдельные сельские общины Ковенской губернии, в местностях с преобладанием литовцев-католиков, ходатайствовать перед обер-прокурором К.П. Победоносцевым о переселении их на места с компактно проживающим православным населением (15).

В ответ на многочисленные прошения епископата, духовенства и жителей края о защите православного населения от принудительного обращения в католицизм Виленский генерал-губернатор А.А. Фрезе 23 ноября 1905 г. издал циркуляр губернаторам края, в котором указывал на появление в сельской местности «религиозно-церковного брожения». Причины возникшей межконфессиональной напряженности генерал-губернатор усматривал в превратном истолковании ксендзами положений указа от 17 апреля и манифеста от 17 октября 1905 г. «Содействуя всеми законными средствами и мерами православной церкви и соблюдая справедливые потребности католического населения и его клира, — подчеркивал А.А. Фрезе — не могу допустить явно враждебного антагонизма со стороны католической части населения к православию». Циркуляр предписывал, чтобы губернские прокуроры принимали все меры по незамедлительной организации следствия по делам о совращении православных в инославие (16).

Однако совместные усилия правительства, Православной церкви и новой губернской администрации К.Ф. Кршвицкого по стабилизации этно-религиозной ситуации в Северо-Западном крае не приносили зримого результата. Особенную остроту религиозно-этническому противостоянию в крае придавало стремление католического населения самовольно вернуть себе ряд православных церквей, перестроенных из бывших костелов, конфискованных у Католической церкви после подавления польского восстания 1863 г. Под влиянием развязанной пропагандистской кампании в ситуации нарастающего революционного кризиса с осени 1905 г. начались попытки насильственного захвата православных храмов и монастырей и изгнания священников с приходов. Такие случаи произошли в селе Роготны Слонимского уезда Гродненской губернии и в местечке Рудомино Виленского уезда. В том же Виленском уезде в начале ноября произошло нападение на Венславенентскую православную церковь, бывшую ранее униатской. Священные предметы, находившиеся в ней, были вынесены наружу и подвергнуты осквернению. Часть из них была сожжена. В конце ноября толпа литовцев-католиков напала на единоверческую церковь в Каролишках Ковенской губернии. В Виленской губернии происходили нападения на дома православных священников, в один из которых была брошена бомба (17).

В местностях, где религиозный и этнический экстремизм приобретал особо опасные социальные формы, губернаторы вынуждены были посылать воинские

подразделения для охраны православных храмов от попыток их самовольного захвата со стороны местных католиков. Бывало так, что только присутствие войск спасало православное духовенство и мирян этих приходов от угроз и возможной расправы со стороны тех, кто требовал немедленного возвращения храмов Католической церкви. Особенно напряженная ситуация сложилась в Виленском уезде, в котором присоединение «упорствующих» к католицизму в мае-июне 1905 г. приобрело массовый характер. В начале декабря этого же года священник Подберезской церкви Виленского уезда писал генерал-губернатору А.А. Фрезе, что после ухода полуроты солдат положение оставшихся верным православию (около 50 человек), окруженных враждебно настроенными поляками и литовцами, оказалось весьма плачевным. Они угрожали разрушить церковь, а всех православных — священников, учителей, писарей и полицию — изгнать из уезда. Священник просил у генерал-губернатора вновь прислать полуроту солдат для охраны местной церкви (18).

В это же время архиепископ Литовский Никандр просил генерал-губернатора А.А. Фрезе не отзывать из местечка Островец Виленского уезда солдат, которые охраняли православную церковь и усадьбу священника. Настоятельная просьба архиепископа была продиктована тем обстоятельством, что указанное местечко входило в состав Шумского благочиния, в котором все приходские православные церкви во второй половине 60-х гг. были перестроены из бывших римско-католических костелов. Так как по сведениям канцелярии генерал-губернатора «католическое брожение» в этой местности не ослабевало, было сочтено целесообразным оставление войск в указанном районе, «впредь до более надежного успокоения фанатически настроенного местного населения», а также «ввиду угрожающей позиции, которую продолжают занимать местные католики по отношению к Островецкой православной церкви и ее духовенству» (19).

Волна религиозного экстремизма начала распространяться и на другие уезды Литовской епархии. В Вилейском уезде о необходимости прислать казаков для предотвращения захвата католиками церкви и сожжения местного народного училища писал генерал-губернатору настоятель Камень-Спасского прихода священник Климентий Боярчук. В Свенцяном уезде попытку насильственного захвата возбужденной толпой католиков Засвирской церкви остановило только присутствие 20 вооруженных солдат, присланных сюда для охраны порядка (20). Толпа литовцев-католиков дважды пыталась силой захватить Антолептский женский монастырь Новоалександровского уезда Ковенской губернии. Монастырь удалось отстоять только благодаря присутствию воинского подразделения. В ряде случаев в роли подстрекателей крестьян к насильственному захвату храмов, по мнению администрации и православного духовенства, выступали местные ксендзы (21).

К началу 1907 г. противостояние между католиками и православными вновь обострилось. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД в записке «О положении католиков и православных в Литовской епархии за последние 2 года», составленной в августе 1907 г., отмечал: «Положение православного на-

селения в Литовской епархии в следствие враждебного отношения к нему со стороны католиков является очень тяжелым. Задавшись целью, под влиянием своего фанатичного духовенства, изгнать православных русских людей якобы из „забранного края“, в видах восстановления Великой Польши „от моря до моря“, католики всячески поносят Православную церковь и ее служителей, грозят им смертью и сожжением их имущества и с дикой злобой преследуют православных прихожан» (22).

Психологический террор и физическое насилие, к которым прибегала католическая сторона, вызывали у православных необходимость активной защиты своих приходов и церквей. На насилие православные готовы были также ответить насилием. Взаимное противостояние сторон было чревато новыми конфликтами. В сентябре 1907 г. обер-прокурор Святейшего Синода П. Извольский сообщал министру внутренних дел П.А. Столыпину, что «в одном из округов Минской губернии озлобление православных против католиков за их насилия дошло до такой степени, что духовенство этого округа особым актом довело до сведения епархиального начальства, что его паства готова с оружием в руках броситься на католиков и их духовенство, чтобы отомстить за причиненные им обиды и насилия» (23).

В Гродненской губернии, где активно велась проповедь католицизма, православные крестьяне изгоняли из деревень наиболее ревностных миссионеров. По инициативе Красностокского монастыря в крае распространялись «Почаевские листки» с резкой критикой папства и католичества. Однако массовые антикатолические настроения не были распространены в крестьянской среде. Там, где они возникали, это была, как правило, ответная реакция на вызовы католического экстремизма (24). В целом, православное население в случаях, когда деятельность католического духовенства и мирян принимала противозаконный характер, обращалось за содействием к епархиальным архиереям или губернскому начальству.

Наиболее активные проявления религиозного экстремизма, нарушавшие законные права господствующей Православной церкви, встречали решительное противодействие властей, что приводило на практике к трагическим последствиям. В местечке Зельва Волковысского уезда Гродненской губернии католическое население пыталось силой воспрепятствовать постройке православной церкви на фундаменте бывшего костела, который был конфискован администрацией генерал-губернатора Э.Т. Баранова в 1867 г. Неоднократные разъяснения о негативных последствиях подобных противоправных действий, сделанные местной полицией и православным священником, не принесли никакого результата. Не помогли мирно разрешить назревавший конфликт и уговоры Волковысского католического декана и приходского ксендза. 2 января 1907 г. возбужденная толпа католиков (до 1000 человек) с кольями и палками напала на обоз, который перевозил камень для постройки церкви. Сопровождавшие обоз стражники в целях самозащиты вынуждены были открыть стрельбу. В результате столкновения из нападавших было убито 7 человек. Прибытие в Зельву роты солдат позволило успокоить разбушевавшиеся страсти, порядок был восстановлен, и подвоз камня для строительства церкви возобновился уже беспрепятственно. Расследование, проведенное адми-

нистрацией, показало, что действия стражников были правомерны и не превышали пределов необходимой самообороны (25).

Столь же трагично закончилась попытка католического населения местечка Ивенец Минского уезда без официального разрешения установить деревянный крест на площади напротив православного храма. Демонстративный характер поступка местных католиков был обусловлен тем, что этот храм был перестроен из францисканского костела, закрытого администрацией за антиправительственную пропаганду во время восстания 1863 г. На законное требование полиции убрать крест, поставленный 30 мая 1907 г., и освященный ксендзом Л. Щербо, католики ответили решительным отказом. Тогда 3 июля этого же года полицейские, несмотря на сопротивление толпы, перенесли установленный крест на местное римско-католическое кладбище. Однако католики вновь повторили попытку установить крест на прежнем месте. Полиция попыталась снова изъять крест, но встретила яростное сопротивление, в нее начали швырять камнями и кольями. Так как агрессивность толпы (до 200 человек) возрастала, полиция вынуждена была, исчерпав все меры предупреждения, открыть стрельбу. В результате была убита одна женщина и четверо ранено. Этот инцидент, произошедший 3 июля 1907 г., завершился изъятием креста и восстановлением в Ивенеце спокойствия и правопорядка. Одним из виновников этого трагического происшествия администрация считала местного ксендза Л. Щербо, так как последний отказался по просьбе местного исправника воздействовать на католиков с целью успокоения страстей, заявив при этом, что «все добывается борьбой, что борьба и жертвы необходимы для того, чтобы добиться больше прав». Впоследствии этот ксендз, по просьбе минского губернатора Я. Эрдели, был переведен на службу в Полтавскую губернию (26).

1907 год практически завершил период наиболее острого противостояния между католиками и православными, сопровождавшийся человеческими жертвами и спонтанными вспышками взаимной ненависти. Начался период «тихого» противоборства, т.е. продолжение рецепции положений указа о веротерпимости в новых условиях.

Укрепление политической стабильности в крае, наступившее после революционных потрясений 1905 г., не повлекло за собой смягчения остроты религиозно-этнических противоречий. После массового перехода «упорствующих» в католицизм в 1905 г. позитивный потенциал указа 17 апреля продолжал реализовываться в ситуации, когда отпадения от православия приняли довольно умеренный характер и были поставлены в соответствии с циркуляром МВД от 18 августа под контроль губернской администрации, с обязательным увещанием в течение месяца со стороны православных священников. Например, в Минской православной епархии в установленном порядке в течение 1908—1909 гг. в католицизм перешло 964 человека (27).

Стоит отметить, что уже в этот период сугубо религиозные причины отпадения от православия отходят уже на второй план. Как свидетельствуют многочисленные рапорты священников Минской епархии, занимавшихся увещаниями тех, кто оставлял православие, преобладающими мотивами добровольного перехода

в католицизм становились соображения экономического и практического характера — выгодные браки с обретением более высокого в глазах крестьян социального статуса шляхты, желание семейного мира и единства в постах и праздниках в смешанных браках католиков и православных, необходимость сосуществования с соседями-католиками в одной деревне, желание получить выгодную работу у католиков, и т.д. (28).

Однако возможность свободного перехода из православия по-прежнему использовалась католическим духовенством и мирянами для прозелитических целей. Продолжалась практика насилия над совестью православных, вступавших в брак с католиками. По свидетельству православных священников, ксендзы, с целью предотвращения смешанных браков, требовали от католиков под угрозой отказа в венчании, чтобы православные обязательно переходили в католицизм. Православные, принципиально не желавшие менять веру, вынуждены были отказываться от таких браков в ущерб личным привязанностям и интересам. Были случаи, когда под гнетом материальной нужды православные, по требованию католической стороны, вынуждены были покидать свою Церковь (29).

Объектом религиозного принуждения по-прежнему оставались смешанные семьи православных и католиков. Государство после указа 17 апреля продолжало сохранять привилегии православия в такой сфере, как смешанные браки. В соответствии с действующим законодательством венчания должны были обязательно совершаться в православном храме, от инославных бралась подписка, что дети в таких семьях будут воспитаны в православной вере (30). Таким образом, облеченная в форму закона каноническая традиция «господствующего» православия вступала в конфликт с канонической традицией терпимой Католической церкви. В свою очередь, ксендзы, действуя по канонам своей Церкви и папского декрета «*Ne temere*», отказывали от исповеди и Св. Причащения католикам в смешанных семьях до тех пор, пока православные члены семьи под их давлением не принимали католическую веру. Бывали случаи, когда по требованию ксендзов католички отказывали православным супругам в брачном ложе до тех пор, пока последние не примут католицизм, крестили своих детей по католическому обряду вопреки существовавшему закону. Дело доходило до физического насилия, когда супруг-католик и его родственники принуждали таким методом православную жену переменить веру. Имелись факты, когда родители-католики силой заставляли детей покинуть православие. Нередко католический фанатизм, поощряемый духовенством, становился причиной тяжелых семейных трагедий (31).

Факты религиозного принуждения со стороны ксендзов вызывали протесты православного духовенства и верующих, но весьма редко становились объектом судебного преследования в силу большой сложности в доказательстве такого рода «сворачиваний». Гораздо чаще судебные приговоры выносились ксендзам за открытое порицание православной веры и незаконные венчания и крещения православных. В октябре 1908 г. в Пскове судом присяжных на четыре месяца заключения в крепости был осужден ксендз Лошакевич из Ошмянского уезда Виленской губернии. Присяжные признали его виновным в том, что ксендз «с целью произ-

вести соблазн среди присутствующих крестьян умышленно позволил себе поносить православную веру и святые мощи православных мучеников, говоря, что «православная вера не истинная, а сатаническая, что православные поклоняются не святым мощам, а идолам, волосатым чертям, и что у них, православных, вместо мощей помещены под стеклом чучела, набитые опилками» (32).

В 1909 г. судом присяжных был осужден на полтора года заключения в крепости бывший настоятель костела в местечке Майорах Дисненского уезда ксендз Бороздич за пропаганду польского национализма, «кошунство и хулу против православной церкви». В своих проповедях ксендз говорил, что «вера у православных выдуманная, что у человека, исповедующего православную веру, душа собачья, что оставшиеся в православии попадут в пекло, ибо вера православная фальшивая и проклятая» (33). По обвинению в антиправительственной пропаганде, распространении идеологии польского национализма, русофобии и призыве к изгнанию из края православных священников и полиции был привлечен к суду настоятель Вавиорского прихода Лидского уезда Виленской губернии ксендз И. Сахарко (34). Всего к концу 1908 г. в Виленской губернии за соращения православных и кошунства над православной верой было предано суду 82 ксендза (35).

В сентябре 1907 г. обер-прокурор Святейшего Синода П. Извольский обратился к министру внутренних дел П.А. Столыпину с настоятельной просьбой о переводе ксендзов К. Ваньковича, В. Герасимовича, Л. Щербо, К. Михалькевича, И. Скаковича и ряд других, как «особенно» фанатичных насадителей католицизма в Минской губернии», из этой губернии в другую, с «исключительно католическим населением, где бы фанатическая деятельность их не наносила ущерба православию и русской народности и не порождала бы враждебных отношений между католическим и православным населением» (36). Практически все указанные ксендзы были переведены католической епархиальной властью за пределы Минской губернии. Кроме того, ряд ксендзов был приговорен судом к различным мерам наказания за нарушение статей 93—94 Уголовного уложения о соращении православных, а ксендз В. Герасимович отправлен на три года в ссылку в Архангельскую губернию за пропаганду польского сепаратизма (37).

Помимо сугубо пастырских инструментов прозелитизма среди православных использовались и светские приемы миссии, применяемые польскими помещиками и арендаторами. В этом случае объектом прозелитизма становилось экономически зависимое, бедное православное крестьянство. По словам Минского епископа Михаила (П.М. Темнорусова), на помощь католической миссии были призваны имущие классы латинско-польского общества. Последние стали оказывать давление на православных в пользу принятия католицизма, используя рычаги экономического принуждения и материальной заинтересованности (38). Действительно, нередко были случаи, когда православные крестьяне теряли работу в помещичьих имениях за отказ стать католиками (39).

* * *

Почему же указ о веротерпимости не принес ожидаемого правительством стабилизирующего эффекта и не привел к снижению межконфессиональной на-

пряженности в крае, по крайней мере, в первые несколько лет? Ответить на этот вопрос можно следующим образом.

Во-первых, правительство не смогло правильно оценить все возможные риски, связанные с миссионерским потенциалом католицизма в Северо-Западном крае, его поддержкой со стороны польских землевладельцев, шляхты и сочувствовавших им представителей местной администрации. Не была учтена степень напряженности и глубина религиозно-этнического противостояния в регионе. Часть католического духовенства, включая иерархию, оказалась не готовой к восприятию свободы как универсальной социальной ценности и стремилась использовать ее исключительно в своих узкоконфессиональных и этнических интересах, нередко нарушая при этом правовые нормы и принципы христианской морали. Это привело на практике к различным фальсификациям в интерпретации указа и разжиганию религиозно-этнической розни по отношению к православному населению. Реализация указа по времени совпала с началом революционных потрясений на западных окраинах России, временно расшатавших государственный порядок и общественную дисциплину.

Во-вторых, часть католического духовенства ставило верность каноническому праву своей Церкви выше уважения к российскому законодательству о веротерпимости. И хотя прозелитизм среди православных по-прежнему был запрещен законом, предоставленная указом возможность покинуть «господствующую» Церковь позволила на практике продолжать незаконную миссионерскую деятельность. В основе такого поведения лежал не только правовой нигилизм, свойственный части католического духовенства, но и упрощенное понимание христианской миссии. Духовенство было убеждено, что только Римско-Католическая церковь является истинной, поэтому совершенно законно и необходимо заниматься прозелитизмом среди православных христиан-схизматиков, а там, где проповедь оказывается неэффективной, следует прибегать к принудительным мерам.

В третьих, исключительная экклезиология Римско-Католической церкви находила свое радикальное выражение в настроениях и демонстрации религиозного превосходства истинной веры над «схизматическим» Православием. Дополнительным источником появления подобных массовых настроений была разница в правовых статусах обоих соперничавших Церквей, католичества как церкви «терпимой» и православия как церкви «господствующей». Часть духовенства и мирян стремилась компенсировать ограничения, наложенные законодательством на права их терпимой церкви, демонстрацией своего экклезиологического и догматического триумфализма путем порицания авторитета православия и русской культуры. Они хотели добиться конфессионального реванша, понимаемого как восстановление исторической справедливости, и укрепить религиозные, этнические и социокультурные позиции католичества, серьезно ослабленные после 1863 г.

В-четвертых, религиозно-этническая нетерпимость к православию как воплощению «русского начала», агрессивность, проявляемая на «низовом» уровне, свидетельствовали о тенденции к охлократическому решению сложных правовых

вопросов возвращения католической собственности и восстановления утраченных приходов. В свою очередь, охлократические способы решения религиозно-правовых и языковых проблем стали результатом организованной католическим духовенством пропагандистской миссионерской кампании, основанной на дискредитации православия, фальсификациях и подлогах.

В-пятых, «низовая» враждебность к православию, основанная на убеждении в превосходстве католичества, оказалась неразрывно связанной со стихийным, т.е. идейно и политически неоформленным, польским национализмом. Этот вид национализма содержал в себе примитивный комплекс шляхетского, социокультурного превосходства по отношению к русским и их культуре. Наличие указанного комплекса приводило к тому, что этническая враждебность к русскому (православному) населению, усиливаемая эксклюзивной религиозной составляющей, носила не столько национальный, сколько трайбалистский характер.

Существенно сократив область государственного, т.е. вертикального принуждения, применяемого для поддержания претензий православия на исключительный статус среди религиозных сообществ России, указ от 17 апреля 1905 г. упразднил тем самым важную причину, инициировавшую проявления нетерпимости как со стороны государства и «господствующей» Церкви, так и отдельных групп неправославного духовенства и населения. Поэтому продолжавшиеся в новых условиях проявления религиозной нетерпимости в Северо-Западном крае вызывались уже не столько административно-правовым воздействием государства, по-прежнему сохранявшего запрет на прозелитизм среди православных и преимущества православия в смешанных браках, сколько миссионерскими приемами и уровнем усвоения светского правосознания частью духовенства и паствы Римско-Католической церкви.

Религиозное противостояние приобрело теперь преимущественно общественный характер и переместилось в основном с вертикального на горизонтальный уровень — семьи и прихода. Это свидетельствовало о том, что в условиях расширения религиозной свободы основными мотивами межконфессиональных конфликтов и противоречий стали принципы нетерпимости, заложенные в самой церковной традиции, религиозной и этнической ментальности части католического духовенства и мирян, проявляемые ими в повседневной практике приходской и семейной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал министерства юстиции. — 1905. — № 5. — С. 94.
- (2) Северо-Западный край включал в себя губернии — Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую. В этническом отношении народонаселение региона выглядело следующим образом: славян русских 3 474 883, поляков 744 410, литовцев 2 295 300, евреев 1 200 522, немцев 149 020, татар 14 839; разных народностей 74 598, всего — 7 953 573. Вероисповедный состав населения Северо-Западного края

включал в себя: православных (со старообрядцами) 3 699 995, или 49,3%; католиков 2 677 619, или 34,2%; евреев 1 200 522, или 15%; прочих вероисповеданий 105 437, или 1,5%. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. Издано при МВД П.Н. Батюшковым. — СПб., 1890. — С. 1, 373; Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Выпуск второй. Составил и издал С. Шолкович. — Вильна, 1887. — С. XXXV.

- (3) Полный текст указа 17 апреля 1905 г. см.: Законодательные акты переходного периода (1904—1908 годы). Издание 3-е, пересмотренное и дополненное по 1 сентября 1908 г. / Под ред. приват-доцента Н.И. Лазаревского. — СПб., 1909. — С. 34—36.
 - (4) Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). — Ф. 821. — Оп. 10. — Д. 267. — Л. 49—51.
 - (5) Государственный исторический архив Литвы (далее — ГИАЛ). — Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 403. — Л. 25.
 - (6) В результате действия Указа в период с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1911 г. из православия в Римско-Католическую церковь перешли: по губерниям Северо-Западного края (Виленская, Ковенская, Гродненская) 33 382 чел. обоего пола, по губерниям белорусским (Витебская, Могилевская, Минская) 22 404 чел. Всех отпавших от господствующей Церкви на территории 6 губерний за этот период насчитывалось 55 786 душ обоего пола. Пик отпадений от православия выпал на 1905—1907 гг. За это время вернулось и было обращено в католицизм по губерниям Северо-Западного края: Ковенской — 1130, Виленской — 25 480, Гродненской — 4048 чел. По белорусским губерниям: Витебской — 4017, Минской — 14 493, Могилевской — 1387 чел. (РГИА. — Ф. 821. — Оп. 10. — Д. 267. — Л. 244).
- Как видно из приведенных цифр, православие в регионе не понесло существенного урона. С отпадением «упорствующих» церковь избавилась от серьезного источника религиозного недовольства, дестабилизировавшего церковную жизнь в приходах и создававшего напряженные отношения между духовенством и верующими обеих Церквей.
- (7) ПСЗ. — СПб., 1896. — Т. 11. — Ч. 1. — Ст. 4; Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Раздел первый. О предупреждении и пресечении преступлений против веры. — СПб., 1890. — Т. 14. — Ст. 70; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Раздел второй. О преступлениях против веры и нарушении ограждающих оную постановлений / Изд. проф. Н.С. Таганцевым: 5-е изд., доп. — СПб., 1886. — Т. 15. — Ст. 187, 193—195.
 - (8) ГИАЛ. — Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 405. — Ч. II. — Л. 1—7.
 - (9) Там же. — Д. 404. — Л. 100.
 - (10) Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). — Ф. 295. — Оп. 1. — Д. 7373. — Л. 16—17; Ф. 295. — Оп. 1. — Д. 7285. — Л. 114.
 - (11) *Квятковский М.*, священник. Из епархиальной жизни // Литовские епархиальные ведомости. — 1905. — № 35—37. — С. 310.
 - (12) ГИАЛ. — Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 393. — Л. 80; Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 405. — Ч. II. — Л. 46, 69, 83; Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 404. — Ч. I. — Л. 68; НИАБ. — Ф. 136. — Оп. 1. — Д. 37167. — Л. 115; Ф. 295. — Оп. 1. — Д. 7285. — Л. 20—21, 60—61; РГИА. — Ф. 821. — Оп. 10. — Д. 1064. — Л. 58, 177; Новое время. — 1905. — № 10523. — 20 июня; За первый год вероисповедной свободы. — СПб., 1907. — С. 140; Вестник Виленского Свято-Духовского братства. — 1911. — № 1. — С. 13—14; Минское слово. — 1911. — № 1206.
 - (13) Прибавление к церковным ведомостям. — 1905. — № 31. — С. 1291, 1293; Новое время. — 1905. — № 10523. 20 июня; *Янушкевич П.*, священник. Письмо в редакцию // Литов-

- ские епархиальные ведомости. — 1905. — № 35—37. — С. 313; ГИАЛ. — Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 404. — Л. 7, 228,
- (14) Виленский вестник. — 1905. — № 653. 7 июля.
- (15) ГИАЛ. — Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 404. — Л. 68.
- (16) Распоряжение по краю Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора от 23 ноября 1905 г. № 20, сообщенное гродненскому губернатору // Гродненские епархиальные ведомости. — 1905. — № 49—50. — С. 1305—1306.
- (17) За первый год вероисповедной свободы. — СПб., 1907. — С. 183; Не посягайте на Православие. Обсуждение в Государственной думе 3-го созыва законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое. — Вильна, 1909. — С. 65; ГИАЛ. — Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 404. — Часть 1. — Л. 173, 200, 215; Там же. — Д. 409. — Л. 12—13; РГИА. — Ф. 821. — Оп. 10. — Д. 1064. — Л. 163.
- (18) ГИАЛ. — Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 404. — Л. 210.
- (19) Там же. — Д. 414. — Л. 8—10.
- (20) Там же. — Д. 405. — Л. 111—112, 120—121.
- (21) Там же. — Оп. 1906. — Д. 355. — Л. 36.
- (22) РГИА. — Ф. 821. — Оп. 10. — Д. 1064. — Л. 163.
- (23) Там же. — Л. 211.
- (24) ГИАЛ. — Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 393. — Л. 70—71; Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 399. — Л. 105—106; Ф. 378. — Оп. 1905. — Д. 404. — Л. 35—36.
- (25) ГИАЛ. — Ф. 378. — Оп. 1906. — Д. 426. — Л. 47—49, 74—86.
- (26) НИАБ. — Ф. 295. — Оп. 1. — Д. 7374. — Л. 24—25, 32.
- (27) НИАБ. — Ф. 136. — Оп. 1. — Д. 37367. — Л. 37.
- (28) Там же. — Д. 37360. — Л. 2, 4, 6, 7, 20, 37, 53, 85.
- (29) Там же. — Д. 37359. — Л. 187, 195; Ф. 136. — Оп. 1. — Д. 37360. — Л. 41, 103, 224.
- (30) Свод законов Российской империи. — СПб., 1857. — Т. 10. — Ч. 1. — Ст. 67.
- (31) РГИА. — Ф. 821. — Оп. 10. — Д. 44. — Л. 189—192; НИАБ. — Ф. 136. — Оп. 1. — Д. 37131. — Л. 4; Ф. 136. — Оп. 1. — Д. 37225. — Л. 8; Ф. 136. — Оп. 1. — Д. 37359. — Л. 220; Ф. 136. — Оп. 1. — Д. 37360. — Л. 95—96, 207—211; Не посягайте на Православие. — С. 34—36, 58—60; За первый год вероисповедной свободы. — СПб., 1907. — С. 184.
- (32) Вестник Виленского Свято-Духовского братства. — 1908. — № 24. 15 декабря. — С. 586.
- (33) Не посягайте на православие. — С. 66—67.
- (34) ГИАЛ. — Ф. 378. — Оп. 1907. — Д. 366. — Л. 7—8.
- (35) Не посягайте на Православие. — С. 66—68.
- (36) РГИА. — Ф. 821. — Оп. 10. — Д. 1064. — Л. 211.
- (37) НИАБ. — Ф. 295. — Оп. 1. — Д. 7494. — Л. 105.
- (38) НИАБ. — Ф. 136. — Оп. 1. — Д. 37367. — Л. 36—37.
- (39) РГИА. — Ф. 821. — Оп. 10. — Д. 44. — Л. 190; НИАБ. — Ф. 136. — Оп. 1. — Д. 37367. — Л. 36—37; Ф. 136. — Оп. 1. — Д. 37167. — Л. 115; Ф. 136. — Оп. 1. — Д. 37360. — Л. 41, 46, 69, 96, 103, 207, 220; *Гринякин Н.* Плоды вероисповедной свободы // Миссионерское обозрение. — 1908. — № 12. — С. 1628—1629, 1636.

**«IT IS THE TIME FOR CATHOLICS
TO TAKE VENGEANCE ON ORTHODOXIES... »:
PARADOXES OF APPLICATION OF THE DECREE
OF APRIL, 17 1905 «ABOUT BELIEVE TOLERATION»
IN THE TERRITORY OF NORTHWEST EDGE**

A.J. Bendin

Institute of Theology named St. Mephody and Cyril
Belarusian State University
Nezavisimosty Ave., 24, Minsk, Republic of Belarus, 220030

The article is devoted to the problems of law enforcement of the Decree on April, 17, 1905 «About Toleration» in Northwest edge of Russian empire. Author gives the special attention to the reactions to the Decree of three interested sides, — to administration of edge and two leading faiths — Orthodox and Catholic. The author analyzes the reasons of occurrence of new receptions of missionary work of Catholic Church and anatomy of the interconfessional conflicts which have arisen in conditions of becoming of religious freedom.

Key words: toleration, missionary work, Catholic Church, interconfessional conflicts, religious freedom, proselytize, religious extremeness.